

НОВИКОВ Сергей Геннадьевич

доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики Волгоградский государственный социально-педагогический университет (г. Волгоград, Российская Федерация).

novsergen@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЯН: НЕПРЕРЫВНЫЙ ПРОЦЕСС ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНАКОВОСТИ

Аннотация: в статье утверждается, что социокультурные общности исторически преходящи. Они возникают тогда, когда некая группа осознает собственную инаковость и начинает отделять «своих» от «чужих». Самоидентификация становится возможной вследствие того, что сообщество современников обнаруживает у себя общие корни, общую историю. Цель статьи: определив сущность исторической памяти и ее структурную организацию, показать роль института образования в формировании данного феномена как фундамента репродуцирования общности «россияне». Применяя трансдисциплинарную методологию, автор пришел к следующим выводам. Историческая память, являющаяся репрезентацией событий минувшего, непрерывно конструируется мнемоническими акторами (институтом образования, прежде всего) и унифицируется в результате повседневных взаимодействий индивидов. Хранимые исторической памятью «воспоминания» объединяют людей на основе общих побед и поражений, пристрастий и интересов, обосновывают их инаковость и тем самым конституируют их в репродуцируемую социокультурную общность. Образовательные структуры, будучи ключевым звеном инфраструктуры воспроизводства исторической памяти, обеспечивают освоение новыми поколениями ключевых событий и героев общего прошлого, приобретших символическое значение, мифов (идеологем, организующих и регламентирующих жизнь). Тем самым они транслируют систему базовых ценностей общности и инициируют саморефлексию обучающихся.

Ключевые слова: историческая память, культурная память, социокультурная идентичность, непрерывность, дискретность, мнемонические акторы, мифы.

Дата поступления: 06.02.2024

Дата публикации: 26.06.2024

Для цитирования: Новиков С. Г. Формирование исторической памяти россиян: непрерывный процесс воспроизводства социокультурной инаковости // Непрерывное образование: XXI век. 2024. Вып. 2 (46). DOI: 10.15393/j5.art.2024.8984

NOVIKOV Sergey G.

Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Pedagogy Department
Volgograd State Social and Pedagogical University
(Volgograd, Russian Federation).

novsergen@yandex.ru

FORMATION OF HISTORICAL MEMORY OF RUSSIANS: CONTINUOUS PROCESS OF REPRODUCTION OF SOCIO-CULTURAL OTHERNESS

Abstract: the article argues that socio-cultural communities are historically transient. They arise when a certain group realizes its own otherness and begins to separate «its own» from «strangers». Self-identification becomes possible due to the fact that the community of contemporaries discovers common roots, a common history. The article is aimed at defining the historical memory essence and its structural organization, at presenting the role of the education institution formation as the foundation for the reproduction of the «Russians» community. Using transdisciplinary methodology, the author came to the following conclusions: Historical memory is a past events' representation and is continuously constructed by mnemonic actors (the educational institution, first of all) and is unified as a result of everyday individuals' interactions. «Memories» preserved by historical memory unite people on the basis of common victories and defeats, passions and interests, substantiate their otherness and thereby constitute them into a reproduced socio-cultural community. Educational structures, being a key link in the infrastructure for the historical memory reproduction, ensure that new generations master key events and heroes of the common past that have acquired symbolic meaning, myths (ideologies that organize and regulate life). Thus, they broadcast a basic values' system for the community and initiate students' self-reflection.

Keywords: historical memory, cultural memory, sociocultural identity, continuity, discreteness, mnemonic actors, myths.

Received: February 06, 2024

Date of publication: June 26, 2024

For citation: Novikov S. G. Formation of historical memory of russians: continuous process of reproduction of socio-cultural otherness. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: the 21st century]*. 2024. No. 2 (46). DOI: 10.15393/j5.art.2024.8984

Социокультурные общности, существующие на планете, исторически переходящи. Они возникают в те моменты, когда некая группа людей начинает выделять «своих», сепарируя их от «чужих». Во многом такое разделение становится возможным вследствие того, что сообщество современников обнаруживает у себя общие корни, *общее прошлое*. В «дне минувшем» они видят подтверждение своего родства, собственной *инаковости*. Память о совместно пережитом, таким образом, делается важнейшим основанием для социокультурной идентификации. Если угодно, русские появляются на этнокультурной карте мира только тогда, когда они обнаруживают, что являются потомками строго определенной группы людей с одной *историей*. И потому можно смело утверждать: чувство «русскости», принадлежности к «одной большой семье» будет сохраняться до тех пор, пока существуют индивиды, осознающие и признающие наличие у них совместного прошлого. Тезис о роли исторической памяти в

социокультурной самоидентификации индивида справедлив и применительно к такой общности, как «россияне». Причисление человеком себя к этой политической нации, нации-государству, обеспечивается принятием мысли о том, что его прямые предки имели «общую судьбу» с другими людьми, соединенными на основе русской культуры государством, которое генетически восходит к структуре, возникшей на пути «из варяг в греки» в IX в. н. э.

Постановка задачи. Отсюда неизбежно возникает веер взаимосвязанных вопросов: каким образом формируются «воспоминания» о прошлом, конституирующие общность людей? Какую роль в этом процессе играет институт образования? Является ли данный процесс прерывистым или перманентным? Для ответа на них нам следует решить следующую задачу: установить существенные черты исторической памяти и определить механизмы ее инсталляции в сознание общности.

Заявленное нами намерение требует применения ряда исследовательских инструментов: концепций исторической памяти (А. Ассман, Я. Ассман, Л. П. Репина, М. Хальбвакс, П. Х. Хаттон и др.); концепций социокультурной идентичности (Дж. Г. Мид, Дж. Тернер, А. Шюц, Ш. Эйзенштадт, Э. Эриксон и др.). Конфигурация получаемых с их помощью знаний вокруг решения выше-названной задачи позволяет, определив природу исторической памяти и ее структурную организацию, показать роль института образования в формировании данного явления как фундамента конструирования и репродуцирования общности «россияне».

Феномен, маркируемый термином «историческая память», оказался в фокусе внимания ученых около ста лет назад. Пионером его изучения стал М. Хальбвакс, указавший, что воспоминания либо «выстраиваются вокруг определенного человека», либо же «распределяются по большому или малому сообществу, становясь его частичными отображениями» [1, с. 16]. Индивид, констатировал ученый, нередко обращается к чужим воспоминаниям для того, чтобы «воскресить в памяти собственное прошлое» [1, с. 17]. Тем более он вынужден полагаться на «память других», когда дело касается группы, к которой он принадлежит. Член сообщества носит «багаж исторических воспоминаний», поскольку «связанная с ними традиция по-прежнему весьма жива» [1, с. 17]. Еще будучи ребенком, он «усваивает точку зрения группы», знакомится с фактами, которые проникли «в круг национальных забот, интересов и пристрастий» [1, с. 23]. Тем самым растущий человек осваивает исторический нарратив, в котором общность «стремится увековечить те чувства и образы, которые составляют *материю ее мысли* (курсив наш. – С. Н.)» [1, с. 48].

Раз историческая память, содержащаяся в сознании индивида, во многом *конституирует* общность, следовательно, она является *модальностью* ее культурной памяти – ядра той подсистемы *надбиологической, неинстинктивной* программы жизнедеятельности, которая «отвечает» за отбор, хранение и трансляцию положительного опыта предков. Иными словами, историческая память представляет собой *репрезентацию* событий минувшего, выполняющую три важнейшие функции: *обоснования* социокультурной инаковости, *воспроизводства* общности как уникального и неповторимого феномена, *вынесения оценок*

степени соответствия позиции индивида нормативным для общности взглядам на прошлое, настоящее и будущее [2, с. 98].

Является ли процесс формирования исторической памяти стихийным или же сознательно организуемым? На этот вопрос существуют различные ответы. Наш анализ современной гуманитаристики привел к убеждению, что историческая память, будучи «*обосновывающим* воспоминанием», «*всегда скорее учреждается, чем возникает*», и потому сворачивает «*прошлое в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание (курсив везде наш. – С. Н.)*» [3, с. 54]. Вот почему «*образ прошлого*» может переосмысливаться «*в соответствии с текущими потребностями (курсив наш. – С. Н.)*» [4, с. 42]. Как точно заметил Х. Вельцер, «*для формирования идентичностей исторические события порой извлекаются из нафталина, а то и просто выдумываются*», воспоминания базируются «*на исторических основаниях, созданных задним числом*» [5, с. 62]. Вместе с тем историческая память формируется также *стихийно*, в процессе повседневного взаимодействия индивидов. Причем «*обмен историями*» продуцирует трансформации, дополнения и модификации вспоминаемых соотечественниками судьбоносных событий. Поскольку всякое новое запоминание приводит к запоминанию также *контекста* «*последней ситуации вызова из памяти*», постольку воспоминание «*переписывается*», фокусируется «*на тех или иных аспектах*» [5, с. 54]. И это происходит до тех пор, пока «*у всех членов общества не окажется примерно одинаковый набор примерно одинаковых историй*» [5].

Таким образом, историческая память формируется *непрерывно* на протяжении бытия той или иной социокультурной общности, *сознательно конструируясь и стихийно унифицируясь*. Ее инсталляция в сознании каждого нового поколения не может останавливаться, так как разрыв непрерывности означает «*размывание*» общности, ее самоликвидацию (или же ликвидацию, если нарушение «*связи времен*» в сознании людей происходит насильственно, а может, и посредством подмены одной исторической памяти на другую).

Этот факт не является секретом для лиц, ответственных в Российской Федерации за стратегические решения в области образования. Они явно отдают себе отчет в том, что сохранение России как цивилизационной платформы и актора мировой политики невозможно без заботы о поддержании исторической памяти у старших поколений и о ее формировании у молодых россиян. Еще в 90-е гг. XX в. были приняты федеральные законы «*О днях воинской славы (победных днях) России*», «*Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов*», которые однозначно выражали волю государства поддерживать у россиян память о подвигах предков. В нормативно-правовых актах рекомендовались к реализации различные коммеморативные практики (сооружение мемориальных музеев и памятников, присвоение имен героев страны площадям и улицам населенных пунктов, публикация в масс-медиа материалов военно-исторического характера и пр.). А уже в XXI в. принимается несколько государственных программ патриотического воспитания граждан, которые по определению не могли не базироваться на признании важности воспроизводства исторической памяти у детей и молодежи. Решение

данной задачи, по сути, предусматривает и «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.». Среди приоритетов воспитания в ней выделяется формирование «чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России»¹.

Для непрерывного воспроизводства исторической памяти (как основы социокультурной идентификации россиян) сегодня привлекаются произведения искусства (кинофильмы, спектакли, музыкальные, литературные и живописные произведения и пр.), а в качестве инструмента ретрансляции «воспоминаний» социокультурной общности широко задействованы масс-медиа (которые также «кодируют» информацию в виде символов, значимых для членов общности). В современной России поддерживается также *инфраструктура* репродукции исторической памяти. Ее образуют, наряду со средствами массовой информации, телеграм- и ютуб-каналами, учреждения культуры и образования. Последние занимают в этой инфраструктуре особое место. Ведь в эпоху модернити (модерна) именно школа, как точно заметили Дж. Дилл и Дж. Хантер, делается местом, где «общество рассказывает себе историю о самом себе» [6, р. 275]. В ней «воспроизводство истории» оказывается средством репродукции идентичности и узаконивания социального порядка [6]. Иначе говоря, школа (и шире – вся система формального образования) является гарантом пролонгирования жизни социокультурного организма в турбулентном глобальном мире.

В структуре формируемой у россиян исторической памяти обнаруживается три структурных элемента. Первый элемент – *когнитивный* – содержит «воспоминания» о ключевых событиях прошлого России и лицах, приобретших символическое значение. Выполняя функцию *обоснования инаковости общности*, он включает в себя не просто знаменательные даты и символические фигуры, но *мифы*. Поясним, что последним термином мы маркируем не «сказки» или «выдумки» предков, не обман или манифестацию «ложного сознания», а «*аффективное усвоение собственной истории*» [7, с. 39]. Репрезентируя смыслы, миф «организует и регламентирует жизнь» человека, «предписывает людям правила социального поведения, обуславливает систему ценностных ориентаций» [8]. Соответственно, единство «в мифовосприятии, в принятии мифа объединяет, формирует социальную группу» [9, с. 4]. Ментальные образы мифов превращаются в них в своего рода иконы [7, с. 38].

Так, Александр Невский, Петр I, И. В. Сталин и ряд других фигур отечественного прошлого предстают в сознании россиян не реальными людьми «из плоти и крови», а именно мифами или даже иконами (для части соотечественников). Причины такой «живучести» памяти об упомянутых лицах кроются не только в сознательных усилиях «мнемонических акторов» (государства, школы, средств массовой информации) по возвращению действий некоторых фигур прошлого в актуальную политическую повестку. Куда более важным является другое обстоятельство: рассказы о них востребованы, поскольку они соответствуют представлению «социальной группы о самой себе, ее самоидентифика-

¹ Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL <http://static.government.ru/media/files/f5Z8H9tgUK5Y9qtJ0tEFnyHIBitwN4gB.pdf> (дата обращения 28.01.2024).

ции и ее целям» [7]. Победитель шведских и тевтонских рыцарей, творец Российской империи, «красный император», ассоциируясь в исторической памяти россиян с судьбоносными деяниями предков, воплощают в себе позитивно оцениваемые личностные качества. Среди последних: «самоотверженность» и «смелость», «решительность» и «простота (некичливость)», «грозность» и «справедливость». Соответственно, всякий, окончивший среднюю школу в России, помнит о «защитнике земли Русской», не дававшем «спуску боярам» («кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет!» – Александр Невский), «цареплотнике» («Он весь как божия гроза», «Россию поднял на дыбы», «солдатский кум» – Петр I), строгом «отце народов» («был культ, но была и личность» – И. В. Сталин). Таким образом, историческая память не просто хранит знание о прошлом, но *фокусирует* внимание ее носителей на дне сегодняшнем, *упрощая* образы предков, избирая среди них тех, кто представляется *актуальным* для современности [10, с. 148]. Именно благодаря своей *избирательности* и *пристрастности* историческая память спланирует общность, то есть делает то, на что неспособна «холодная» историческая наука, рассматривающая, скажем, государственного деятеля с «одной стороны, с другой стороны».

Заметим, что предвзятость исторической памяти естественна, поскольку она обнаруживает в прошлом то, что в конкретный момент бытия общности *волнует* ее членов. Это понятное чувство, разумеется, «подогревается» выше-названными «мнемоническими актерами». Так, в 1920-е гг. в СССР историческая память хранила и отбирала, прежде всего, «воспоминания» о «классовой борьбе» трудящихся. А уже в 1930-е гг., с усилением внешней угрозы (приходом к власти нацистов в 1933 г.), актуальной становится тема «борьбы с иноземными захватчиками». Неслучайно в Советском Союзе накануне развязывания нацистской Германией Второй мировой войны появляется фильм «Александр Невский». Во многом благодаря ему в памяти россиян закрепился не реальный князь Александр Ярославич (о деятельности которого, к тому же, источники XIII в. информируют крайне скупо), а эпический князь-ратоборец, чей образ был гениально «вылеплен» режиссером С. М. Эйзенштейном, композитором С. С. Прокофьевым и артистом Н. К. Черкасовым. Он закономерно присутствует в Федеральной рабочей программе 2022 г. по «Истории» (5–9-е классы) в ряду двенадцати фигур средневековой русской истории. В разделе «Содержание обучения» для запоминания учениками 6-го класса программы основной средней школы по разделу «История России. От Руси к Российскому государству» предложены семь государственных деятелей, три деятеля православной церкви и два иконописца². Отбор правителей средневековой Руси, по сути, представляет собой выделение фигур, символизирующих знаковые события отечественного прошлого. В памяти школьников хронопоток движется от Крещения Руси, определившего во многом этнокультурный облик русских (Владимир Святой), к расцвету Древнерусского государства (Ярослав Мудрый), далее – к противодействию распаду Русской земли (Владимир Мономах), к остановке

² Федеральная рабочая программа основного общего образования. История (для 5–9-х классов образовательных организаций). М., 2022. С. 8–13 [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/09/frp_istoriya_5-9-klassy-1.pdf (дата обращения 01.02.2024).

«натиска на Восток» западных рыцарей (Александр Невский), к «победе над Ордой» (Дмитрий Донской) и через преодоление междоусобицы (Василий Темный) к независимому и единому Русскому государству (Иван III).

Важно подчеркнуть, что освоение школьниками содержания курса отечественной истории (как средневекового, так и последующих периодов) предполагает инсталляцию в их память «воспоминаний», свидетельствующих не только о славных, но и о трагических страницах прошлого социокультурной общности. Такой подход исключительно продуктивен с точки зрения сохранения и воспроизводства российского социокультурного организма. Ведь, как тонко заметила А. Ассман, «общие страдания соединяют больше, чем общие радости» [7, с. 66]. К тому же «память побежденных» обладает гораздо более сильным «потенциалом действия», нежели память победителей [7]. И потому воспоминания о поражениях (об «ордынском иге», тяжелых первых месяцах Великой Отечественной войны, развале СССР и пр.) способствуют сплочению общности, легитимируя ее притязания и, временами, подпитывая жажду реванша.

Апелляция не только к прежним победам, но и к горьким неудачам – дело не новое для процесса формирования исторической памяти россиян. Однако в последние десятилетия в отечественной образовательной практике стали заметны новые моменты: в теме «боевой славы» все отчетливее проявляется коннотация «утраты» (горькой печали от гибели участников былых сражений). Она звучала и в советском образовании, но в постсоветское время, согласимся с С. А. Ушакиным, стала более заметной [11, с. 5–6]. Такая нюансировка помогает «эмоциональной идентификации – с погибшим, с его родственниками» [11, с. 7], делает глубоко личной трагедию соотечественников, порождает ощущение сопричастности к горестям страны и народа.

Поскольку эмоции выступают субъективной формой мотивации личности, у нас есть основания утверждать, что вторым структурным элементом исторической памяти является мотивационный, или, точнее, *мотивационно-ценностный*, элемент. Он выполняет *воспроизводственную* функцию, содействуя сохранению российской инаковости под внешним инокультурным давлением, под унифицирующим воздействием глобализации. Иными словами, восхищение деяниями предков порождает стремление равняться на них, сверять свои поступки и ценностную систему с исторически сложившейся системой ценностей «родной» социокультурной общности. Схожее отношение современников к фактам, событиям и героям прошлого объясняется тем, что все вышеперечисленное выступает эмоционально окрашенными символами. Скажем, 1812 г. – символом общенационального единения перед лицом нашествия «двунадесяти языков». Алексей Маресьев – символом «настоящего человека». Сталинград – символом нестигаемого мужества народа. И потому чувства, вызываемые фразой «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!», упоминанием имени Александр Матросов или Юрий Гагарин, произнесением строк песен «Давай закурим, товарищ, по одной» или «Жди меня, и я вернусь...», являются индикаторами произошедшей (или нет) социокультурной самоидентификации. Таким образом, по эмоциональной реакции на символы,

хранимые исторической памятью, легко определить, кем себя не «на словах», не «по паспорту», а *реально* считает индивид, к *какой* общности себя относит.

Размышления индивида о том, насколько его позиция по ключевым вопросам современности соответствует интересам социокультурной общности, позволяет нам говорить о наличии третьего структурного элемента исторической памяти – *рефлексивном*, выполняющем *рефлексивно-нормативную* функцию.

Вышеназванные элементы исторической памяти систематически и целенаправленно закладываются в сознание подрастающих поколений на всех ступенях формального образования. Происходящая на них репрезентация прошлого российского социокультурного организма формирует соответствующее ей эмоциональное отношение к фактам и событиям минувшего, инициирующее саморефлексию школьников и студентов. Подчеркнем еще раз, что образовательный процесс в организациях общего и профессионального образования обеспечивает не просто усвоение обучающимися педагогически адаптированных материалов исторической науки, но превращение прошлого в «актуальный феномен», в *переживаемую* «связь с вечным настоящим» [12, с. 20]. Поскольку тем самым педагог «помещает воспоминание в священное» [12], нам нужно определить «узелки», соединяющие между собой «нити», из которых соткана «сакральная ткань» исторической памяти российской социокультурной общности. Этими «узелками» являются судьбоносные события (определившие, с одной стороны, судьбу общности, а с другой – обнаружившие ее сильные качества). А «нитьями» – процессы, запущенные последними. Полагаем, что в школах и вузах формирование исторической памяти необходимо строить на прослеживании последствий следующих событий: основания древнерусской государственности (условно 862 г.); «выбора веры», обусловившего образ мира, нравы, типичные формы и способы жизнедеятельности русских людей (условно 988 г.); «Батыева нашествия» (1237–1241), повлиявшего на культуру и дальнейшую историческую судьбу Руси / России; ликвидации зависимости от Большой Орды, сделавшей возможным независимое существование русской государственности (1480); Смуты начала XVII в. как испытания жизнеспособности социокультурного организма; Петровской модернизации (рубеж XVII–XVIII вв.), возведшей Россию в ранг «великих держав» и одновременно определившей социокультурный раскол; революционных катаклизмов 1917–1920 гг., положивших начало осуществлению Красного Глобального проекта и приведших к появлению сверхдержавы СССР; Великой Отечественной войны (1941–1945) как победоносной борьбы народов страны с «коричневой чумой», угрожавшей всему человечеству; запуска первого человека в космос (1961) как проявления индустриальной мощи Родины и ее интеллектуального потенциала; распада СССР как трагического события отечественной истории XX в. Разумеется, отношение к названным событиям и процессам следует начинать формировать уже в дошкольных образовательных организациях, где в доступной для детей форме важно создавать яркие образы отечественного прошлого, его героев. При организации непрерывного целенаправленного процесса инсталляции в сознание детей и молодежи идеи *совместного прошлого* – времени, когда этносы, населявшие Российское государство, двигались по *одной* дороге, борясь с *общими*

врагами в *общих* интересах, – можно надеяться, что термин «россияне» окажется обозначением социокультурного организма, функционирующего по принципу «единство в многообразии».

Резюмируем сказанное.

1. Историческая память непрерывно конструируется мнемоническими акторами (институтом образования прежде всего) и унифицируется в результате повседневных взаимодействий индивидов.

2. Хранимые исторической памятью «воспоминания» объединяют людей на основе общих побед и поражений, пристрастий и интересов, обосновывают их инаковость и тем самым конституируют их в репродуцируемую социокультурную общность.

3. Образовательные структуры, будучи ключевым звеном инфраструктуры воспроизводства исторической памяти, обеспечивают освоение новыми поколениями ключевых событий и героев общего прошлого, приобретших символическое значение, мифов (идеологем, организующих и регламентирующих жизнь). Тем самым они транслируют систему базовых ценностей общности и иницируют саморефлексию обучающихся.

Список литературы

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне: Россия, Германия, Европа. Москва : Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.

2. Новиков С. Г., Загуменнов Д. А. Формирование исторической памяти у школьников: насущная проблема эпохи глобализации // Проблемы современного образования. 2022. № 5. С. 94–104.

3. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

4. Хаттон П. Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В. Ю. Быстрова. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. 422 с.

5. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Память о войне: Россия, Германия, Европа. Москва : Новое лит. обозрение, 2005. С. 51–63.

6. Dill J. S., Hunter J. D. Education and the culture wars: morality and conflict in American schools // Handbook of the sociology of morality. New York : Springer, 2010. P. 275–291.

7. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. Москва : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

8. Неклюдов С. Ю. Структура и функции мифа // Мифы и мифология в современной России. Москва : АИРО-XX, 2000. С. 17–38.

9. Сулима И. И., Фофанова А. Д. Миф и мифотворчество в системе образования // Непрерывное образование: XXI век. 2022. Вып. 4 (40). DOI: 10.15393/j5.art.2022.8004

10. Репинецкая Ю. С. К вопросу о содержании понятий «историческое сознание» и «историческая память» // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 147–151.

11. Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты : Сборник статей / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. Москва : Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–44.

12. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. С. 17–50.

Reference

1. Halbwachs M. Collective and historical memory. *Memory of the war: Russia, Germany, Europe*. Moscow, 2005. P. 16–50. (In Russ.)
2. Novikov S. G., Zagumennov D. A. Formation of historical memory among schoolchildren: an urgent problem in the era of globalization. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of modern education]*. 2022. No. 5. P. 94–104. (In Russ.)
3. Assman J. Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity / transl. by M. M. Sokolskaya. Moscow, 2004. 368 p. (In Russ.)
4. Hutton P. H. History as the art of memory / transl. from English by V. Yu. Bystrova. St. Petersburg, 2004. 422 p. (In Russ.)
5. Welzer H. History, memory and modernity of the past. Memory as an arena of political struggle. *Memory of the war: Russia, Germany, Europe*. Moscow, 2005. P. 51–63. (In Russ.)
6. Dill J. S., Hunter J. D. Education and the culture wars: morality and conflict in American schools. *Handbook of the sociology of morality*. New York: Springer, 2010. P. 275–291.
7. Assman A. The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics / transl. by Boris Khlebnikov. Moscow, 2014. 328 p. (In Russ.)
8. Neklyudov S. Yu. Structure and functions of myth. *Myths and mythology in modern Russia*. Moscow, 2000. P. 17–38. (In Russ.)
9. Sulima I. I., Fofanova A. D. Myth and myth-making in the education system. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: The 21st Century]*. 2022. Is. 4 (40). DOI: 10.15393/j5.art.2022.8004 (In Russ.)
10. Repinetskaya Yu. S. On the issue of the content of the concepts «historical consciousness» and «historical memory». *Samarskij nauchnyj vestnik [Samara Scientific Bulletin]*. 2017. Vol. 6. No. 1 (18). P. 147–151. (In Russ.)
11. Ushakin S. «Should we breathe with this pain»? About trauma, memory and communities *Trauma: point*: Collection of articles. Moscow, 2009. P. 5–44. (In Russ.)
12. Nora P. Between memory and history. Problems of places of memory. *France – memory*. St. Petersburg, 1999. P. 17–50. (In Russ.)